

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> приятного чтения!

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ЛИЦА:

Василий Дмитрич Досужев, чиновник, занимающийся частными делами.

Андрей Титыч Брусков, купеческий сын.

Василиск Перцов, служил в какой-то службе. Теперь давно в отставке, празднующийся человек.

Александра Петровна Круглова, купеческая дочь.

Молодой человек, незначительный чиновник.

Девушка и разные проходящие лица без речей.

Грот в Кремлевском саду, перед ним площадка. Через сцену изредка проходят люди разного звания.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Досужев прохаживается перед гротом; навстречу ему идет молодой человек.

Молодой человек. Скажи, пожалуйста, где ты пропадаешь? Ты точно сквозь землю провалился. У нас без тебя никакого веселья нет.

Досужев. Какое веселье! Проходи мимо! Я теперь всего себя посвятил на пользу человечества.

Молодой человек. Полно! Я тебя знаю: ты ведь шут гороховый! Какую ты пользу можешь оказать человечеству! У тебя какая-нибудь новая потеха на уме.

Досужев. Вот видишь ты, я теперь изучаю нравы одного очень дикого племени и по мере возможности стараюсь быть ему полезным.

Молодой человек. Ничего не понимаю. Ты скажи по крайней мере, где ты живешь теперь?

Досужев. Ну, я объяснюсь проще: я оставил службу и занимаюсь частными делами. А живу в той стороне, где дни разделяются на легкие и тяжелые; где люди твердо уверены, что земля стоит на трех рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получают депеши, но только все больше из Белой Арапии и стран, к ней прилежащих. Одним словом, я живу в пучине.

Молодой человек. Где же эта пучина?

Досужев. Везде; стоит только опуститься. Она к северу граничит с северным океаном, к востоку с восточным и так далее. Я переехал на самое дно. Милости просим. Вот мой адрес. (Подает адрес.) Заезжай ко мне, я тебе покажу такие чудеса, что останешься доволен.

Молодой человек. Какие выгоды доставляет тебе твое занятие?

Досужев. Выгоды довольно большие; а главное, что ни дело, то комедия.

Подходит Перцов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Перцов.

Досужев (протягивая Перцову руку). Bonjour! Вот, например, господин Перцов! Рекомендую. Знаешь ли ты, чем он занимается?

Молодой человек. Почему же мне знать!

Досужев. Он сочинитель, сочиняет фальшивые документы.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, при посторонних такие слова...

Досужев. Ничего, будьте как дома. Ну, где это может быть, кроме пучины? Человек ничего ровно не делает, живет барином на чужой счет, буйством приводит в ужас всю окрестность и пьет, как сорок тысяч братьев не могут пить.

Перцов. Неуместные шутки, господин Досужев!

Молодой человек. Ну, прощай!

Досужев. Прощай, заходи!

Молодой человек. Непременно зайду. (Уходит.)

Досужев (Перцову). Ну, и... Чего ж вы еще дожидаетесь? Дело кончено, и толковать нам с вами не о чем.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, вы мне скажите, как благородный человек: отдадите вы мне этот документ или нет?

Досужев. За четверик бриллиантов, извольте.

Перцов. К чему эти злые насмешки над несчастьем ближнего? Вы знаете, я беден.

Досужев. Но благороден.

Перцов. Кто же смеет сомневаться!

Досужев. А фальшивые-то документы зачем писать? Какое же это благородство?

Перцов. Удары судьбы и роковая необходимость заставили меня прибегнуть к этому не всеми одобряемому способу.

Досужев. Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у вас такая величественная физиономия. Да и кроме физиономии, вы всем обеспечены: ваши родные дают вам квартиру, стол, да и денег гораздо больше, чем мы своим горбом зарабатываем. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали да передали какому-то мошеннику.

Перцов. Господин Досужев, это дела или, лучше сказать, тайны семейные. Они должны быть скрыты под покровом неизвестности.

Досужев. Хороши тайны! Женщина ни душой, ни телом не виновата, вдруг с нее требуют по векселю деньги, да еще страшат, хотят представить ко взысканию. Если б она повела дело-то как следует, то есть допустила вас представить вексель ко взысканию, да и подала бы отзыв, что подпись-то под векселем фальшивая: что бы тогда произошло? Штука плачевная!

Перцов. Я сознаюсь вам, как человеку благородному, что в этом случае я вышел из пределов приличия и подвергал себя большой неприятности.

Досужев. А как вы думаете, какой?

Перцов (улыбаясь). Я мог провести остаток дней моих в тундрах севера.

Досужев. Совершенно справедливо, именно в тундрах севера.

Перцов. Господин Досужев, я очень хорошо понимаю мое ослепление; но войдите в

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru мое положение, и вы поймете все фибры души моей, которые подвигнули мою совесть действовать без зазрения. Имея возможность жить под покровом благодеяния моих родных, я оставил службу; но, хотя я и предался бездейственной и праздной жизни, все-таки они не должны забывать, что я имею благородное звание, которое приобрел на поприще службы.

Досужев. Они и не забывают.

Перцов. Да. Но, по их невежественному заблуждению, я не всегда имею достаточно финансовых средств для поддержки нашей фамилии, которую я облагородил. Я с некоторого времени лишился даже кредиту.

Досужев. В Марьиной роще?

Перцов. И в некоторых других заведениях. Я несколько раз обращался с требованием к моим родственникам, но, не видя для себя благоприятного результата, я решил...

Досужев. Сделать фальшивый вексель...

Перцов. Но ведь сестра заплатила по нем, значит признала его.

Досужев. То-то и есть, что нет. Она его и не видала; я заплатил деньги и получил его с бланковой надписью.

Перцов. На что же он вам?

Досужев. Для редкости. Я такие вещи собираю.

Перцов. Никакой редкости нет, дело очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги; не захотите же вы требовать с нее в другой раз по этому векселю.

Досужев. А почему вы знаете? Может быть, придет время, когда я и потребую?

Перцов. Но будет ли это благородно?

Досужев. Очень. Она в другой раз и не заплатит, а дело пойдет прямо в уголовный суд.

Перцов. Господин Досужев, вы готовите новые испытания для суровой души моей; вы хотите, чтобы мой жалкий жребий находился в ваших руках...

Досужев. Может быть.

Перцов. Но для чего?

Досужев. Для того, чтобы изредка напоминать вам о тундрах севера.

Перцов. Но зачем же играть, как игрушкой, судьбой человека души непреклонной?

Досужев. Я вам скажу зачем. Вы страх и трепет для всей окрестности; вы наводите ужас на мирных обывателей; при одном вашем имени весь женский пол в нашей стороне приходит в содрогание; все извозчики от вас разъезжаются, все лавочники от вас разбегаются, как от чумы; из всякой малости вы заводите мамаево побоище.

Перцов. Я согласен, я жесток; но я караю только за неуважение.

Досужев. Вы караете тех, кто слабее вас и с кого взять нечего. А с богатыми людьми у вас другая политика: вы заводите ссору, лезете в драку да потом требуете за бесчестье.

Перцов. Моя личность, как благородного человека, ограждена законом против всяких превратностей, и я по праву требую бесчестье за оскорбление.

Досужев. Вот по этому-то случаю я, как сосед ваш, и хочу, для безопасности, иметь всегда под руками оружие на случай встречи с вами.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, покройте все это дело покровом вечного

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru забвения.

Досужев. То есть как же?

Перцов. Отдайте мне вексель!

Досужев. Нет, уж это зачем же?

Перцов. А если так, пусть он останется у вас; но, господин Досужев, бойтесь разорвать завесу, скрывающую эту тайну.

Досужев. Нет, уж лучше вы бойтесь меня!

Перцов. Не ожидал, господин Досужев, не ожидал. Но я надеюсь, что мы, как благородные люди, останемся друзьями. (Протягивает Досужеву руку.)

Досужев. Очень приятно.

Перцов. Честь имею кланяться. (Уходит.)

Досужев. Ишь ты, франт какой! Как же, отдам я тебе вексель, дождайся! Я рад, что могу теперь безопасно по улицам ходить. Ты ведь разбойник известный!

Подходит Андрей Титыч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Досужев и Андрей Титыч.

Досужев. А, милый друг, Андрюша, здравствуй!

Андрей Титыч (кланяясь). Василью Митричу!

Досужев. Покурить хочешь?

Андрей Титыч. Пожалуйста папироску!

Досужев достает папиросы, закуривают.

Досужев. Куда, мой друг, стремительно спешишь?

Андрей Титыч. Маменька послали к тятеньке, они теперь в суде по делу, так чтоб домой вместе. А то, пожалуй, уедут куда с судейскими, да и загуляют. А если они загуляют-с, так уж лучше беги все из дому вон, потому такая война пойдет дня на три, что хуже французского разорения. К тому же нынче маменька не пускали тятеньку в суд, потому нынче понедельник – тяжелый день, а маменька этому очень веруют; ну, а тятенька не послушались, так маменька еще больше боятся.

Досужев. Отчего ж ты пешком? Лошадей, что ли, у вас нет? Врешь ты, должно быть. Не назначил ли здесь, в саду, какого свиданьшка?

Андрей Титыч. Нет-с, Василий Митрич, не до того-с! Я вам скажу, просто нет никакой возможности на свете жить, вот что.

Досужев. Отец, что ли, свирепствует?

Андрей Титыч. Кому ж еще! Известно, тятенька! И прежде тятенька были люты, а теперь уж и описать нельзя. До того дошли, что никаких себе границ не знают.

Досужев. Воует, что ли, очень?

Андрей Титыч. Теперича в газетах про черкесов пишут, что они злые хищники и бунтовщики; так поверьте душе моей, что ни одному черкесу того не сделать, что тятенька могут.

Досужев. Что ж за причина такая?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Андрей Титыч. Все насчет моей женитьбы. Помыкают мной так, хуже чего быть не может. Повезут меня невесту смотреть, куда им вздумается, и сейчас там из-за приданого или из чего другого ссору заведут, крик подымут, так домой и уедут. Потом в другом месте то же самое. Вот теперь в Таганке: поверите ли, с матерью невесты два раза нехорошими словами ругались; поругаются, недели две не ездят, потом опять помиряются. А уж я не то чтоб сказать что, а и дышать-то не смею. Невесты же, Василий Митрич, вот уж мы их, никак, восемь смотрели, все мне не по сердцу-с; только что одно телесное сложение, а больше ничего нет-с.

Досужев. Жаль, брат, мне тебя, Андрюша.

Андрей Титыч. И к тому же, по моим чувствам, мне теперь жениться никак невозможно-с.

Досужев. Отчего же?

Андрей Титыч. Я теперича очень влюблен-с.

Досужев. Что ты!

Андрей Титыч. Уж это так точно-с.

Досужев. В кого же?

Андрей Титыч. Уж есть такая девушка-с.

Досужев. Как же это тебя догадало?

Андрей Титыч. Да разве долго-с? Один раз взглянул – и довольно-с.

Досужев. Ну, что ж, старайся, хлопочи!

Андрей Титыч. Хорошо вам разговаривать-то! Как тут хлопотать! Кабы я человек был, тогда другое дело; а то что я такое? Арестант какой-то, да еще хуже. Свободы никакой не имею, выходу из дому нет.

Досужев. А из каких она?

Андрей Титыч. То есть вы насчет моего предмета?

Досужев. Да, насчет твоего предмета.

Андрей Титыч. Из купеческих, только не из богатых.

Досужев. Что ж, ты познакомился али одними взглядами пробавляешься?

Андрей Титыч. Очень хорошо знакомы, даже у нас в доме бывают-с; только очень неспособно дома разговаривать-с.

Досужев. Что ж ты, в любви объяснился?

Андрей Титыч. Да вам на что же-с? Собственно только для смеху-с?

Досужев. Ну, вот еще!

Андрей Титыч. Уж я вас знаю-с. Да мне что ж! Смейтесь, пожалуй! Мы свое дело знаем.

Досужев. Ну, как же ты с ней объяснялся? Скажи, Андрюша, голубчик!

Андрей Титыч. А вот как-с! Были они у нас как-то с матерью в гостях, да и засиделись, так что уж смерклося почти. Вот старуха-то и говорит: «Как же мы так поздно пойдем?» А маменька им на это: «Да вот Андрюша вас проводит». А я этому делу и рад; сейчас шапку в руки и говорю: «С большим нашим удовольствием». Вот пошли-с, старуха сзади, а мы впереди-с. Только она меня и спрашивает: «Вы, говорит, любите шибко ездить?» Я говорю: «Это первое мое удовольствие». – «Я тоже, говорит, сама до смерти люблю. Хорошо бы, говорит, знать, что человек думает». – «А для чего же, говорю, вам знать-с?» – «А для того, говорит, что

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru сейчас можно видеть, правду человек говорит или нет». – «А разве, говорю, так нельзя этого заметить?» – «Я, говорит, никогда не могу заметить; я всему верю, что мне говорят. Отчего, говорит, вы никогда к нам не зайдете?» – «Оттого, говорю, что не своей волей живу». – «Вон, говорит, окошко, я всегда подле него сижу; вы каждый день мимо ездите, а никогда не взглянете; а я так не в вас, без того от окна не встану, чтобы не дожидаться, как вы из городу проедете». Так меня эти слова за сердце и ухватили, а сказать ничего не умею. «Жаль мне вас, говорит, такой вы робкий». – «Я, говорю, очень робок-с». Тут мы подошли к дому, остановились, старуха прошла в калитку; а я сейчас оглянулся, вижу – на улице никого нет, не говоря худого слова, в охапку ее, да и поцеловал-с.

Досужев. Ну и молодец!

Андрей Титыч. Она как прыгнет в калитку, и сейчас ее захлопнула. Так мне стало совестно, лучше бы я, кажется, на этом самом месте сквозь землю провалился.

Досужев. Вот хвалю! Ты всегда, что ли, так?

Андрей Титыч. Да что про меня, дурака, и говорить-с! Одно слово, невежа в высшей степени, облом, как есть. Поленом бы меня в те поры хорошенько.

Досужев. Ну, как же ты после? Подыгрался опять, или все еще сердится?

Андрей Титыч. Все сердится-с.

Досужев. Ты девичьему-то сердцу не очень верь.

Андрей Титыч. Разве я не знаю-с; да эта девушка-то другой сорт-с. Всем нашим барышням, которые даже и в пансионе воспитывались, до нее далеко. Я хоша и дурак, а вижу.

Досужев. Ну, твое счастье! Что ж, неужели ты так и бросил свое волокитство?

Андрей Титыч. Эх, Василий Митрич! Уж так и быть, всю вам истинную правду расскажу. Вот проходит неделя, мучусь я совестью через свое невежество, а идти к ним боюсь. Проходит другая, третья; да уж и сам не знаю, как-то осмелился: дай, думаю, пойду. Что ни будет, то будет.

Досужев. Разумеется.

Андрей Титыч. Прихожу я к ним, она одна сидит, работает. Взглянула на меня-с, и вдруг у ней в одну минуту слезы на глазах-с. Начал я извинения просить в своем собственном невежестве, а она мне на мои извинения ничего не говорит, а твердит только одно: «Что ж вы не приходили? Что ж вы не приходили? Значит, это была только шалость с вашей стороны?» Я опять даже со слезами начинаю ее просить-с: «Вы, говорю, только меня простите, а уж я вперед, говорю, никогда не осмелюсь». Она взглянула на меня и засмеялась: «В чем, говорит, простить-то! Грех-то небольшой». А у самой, гляжу, опять слезы на глазах. Тут мать вошла, я за шапку да домой. Что же это такое, Василий Митрич?

Досужев. Известно, что. Значит, она тебя любит. Надо с тебя магарыч.

Андрей Титыч. За этим дело не станет-с. Только прихожу я домой-с, хочу ей самое жестокое письмо написать, а тятенька вдруг ко мне: «Что, говорит, ты шляешься, как саврас без узды! Собирайся, говорит, ехать невесту смотреть!» Как тут жить!

Досужев. Что делать-то! Терпи, казак, атаманом будешь! Что ж, ты послал письмо?

Андрей Титыч. Послал-с.

Досужев. Что же ты написал? Ну, сделай милость, Андрюша, скажи!

Андрей Титыч. Все чувства свои выразил, какие только есть. Три дни писал. И в конце пишу, чтобы она мне на ответ написала, где я ее могу видеть и когда, и чтобы никого при том не было, и что если мне будет в этом отказ, то я могу себя потерять через это, и она будет за меня богу отвечать. Это письмо я вчера отдал нашей девушке и сейчас же ответ получил. Я вас давеча обманул немного-с. Пишет, что она пойдет в город, и чтобы я сегодня утром был в Кремлевском саду, здесь мы

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru и можем видеться.

Досужев. Значит, ты в суд не пойдешь?

Андрей Титыч. В суд само собой-с. Да ведь еще теперь рано-с.

Досужев. Ведь отец твой сам ничего не смыслит, кто же вам дела стряпает?

Андрей Титыч. Был Сахар Сахарыч, да его теперича за безобразие прогнали; а теперь у нас умнейший человек: Харлампий Гаврилыч Мудров.

Досужев. Да, дурак известный. Его лет тридцать тому назад из управы за взятки выгнали. И дела ничего не знает: он только те законы и помнит, которые при нем были. Даром деньги берет. А ты скажи отцу про меня; я и лучше сделаю, и возьму дешевле.

Андрей Титыч. Хорошо-с. У нас ведь все больше дела по тятенькиному буйству-с. Уж вы, Василий Митрич, меня оставьте, а то нам будет совестно вас.

Досужев. Что дашь?

Андрей Титыч. Что угодно-с.

Досужев. Обедом угостишь с шампанским?

Андрей Титыч. Да помилуйте! Нешто об этом какой разговор быть может-с! Вон они идут-с.

Досужев. Ну, так я в гроте тебя подожду. (Уходит в грот.)

Входят Александра Петровна Круглова и девушка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андрей Титыч и Александра Петровна.

Андрей Титыч (кланяясь). Наше вам почтение-с!

Александра Петровна. Здравствуйте!

Андрей Титыч. Чему это приписать-с?

Александра Петровна. Что приписать?

Андрей Титыч. Ваше снисхождение-с.

Александра Петровна. Вы такое письмо написали, что я не могла не прийти. Вы пишете, что можете себя потерять.

Андрей Титыч. Это так точно-с.

Александра Петровна. Что же это значит, что вы себя потеряете? Как же вы себя потеряете?

Андрей Титыч. Очень просто-с. Сделать загул хороший, да так всю жизнь этим делом и заниматься-с.

Александра Петровна. Что это вы говорите! Это слушать страшно.

Андрей Титыч. С горя-то что-нибудь сделаешь над собой. Жизнь-то моя вам известна. Дома все одно что в остроге, знакомства хорошего по своему образованию не имею, любить меня за мое невежество никто не соглашается; а еще, пожалуй, женят на уроде. Какая это жизнь! Только одно и остается, что запить-с. Да ведь это я вам говорю кроме всяких шуток-с. Вы сами изволите видеть, у вас примеры на глазах. Может быть, не одна сотня нашего брата, очень хороших людей, таким манером погибла. Значит, и мне не уйти своей судьбы, потому что я не лучше других.

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Александра Петровна (тихо). Чем же я могу помочь вам?

Андрей Титыч. Какая помощь-с! Никто меня из этого омута не вырвет, разве только одна могила.

Александра Петровна (ласково). Что же вам нужно от меня?

Андрей Титыч. Я только хотел знать насчет ваших чувств-с.

Александра Петровна. Да что же вам до моих чувств? Ведь вам жениться на мне не позволят.

Андрей Титыч. Хоша и не позволят-с, все-таки я буду знать, что хоть один человек на свете меня любит. Да при всем том, уж я тогда тятеньке про все скажу прямо, как отрежу, пушай хоть убьет. Да и маменьку заставлю, так и будем к нему приставать; побьется, побьется, да, может, и сжалится. Много я всякой муки натерплюсь, да уж по крайности...

Александра Петровна. Если я и выду за вас, каково мне будет жить в вашей семье!

Андрей Титыч. Нет, уж тогда чтобы врознь-с. Я уж тогда буду женатый, значит могу больше разговаривать. Теперь меня за человека не считают, собственно потому, что холостой, а тогда совсем другое дело-с.

Александра Петровна. Ну, что же мне вам сказать на это?

Андрей Титыч. Что чувствуете, то и скажите. Теперь я весь в ваших руках. Через вас только я и могу быть человеком; а то я чувствую сам в себе, что таких делов могу наделать, что чертям будет тошно. Со мной то делается, чего никогда не бывало: отчаянность какая-то стала находить-с. Так вот кинулся бы на народ, да и грыз всех зубами. А ежели в этакое разе да запить, так ведь каких крамболей наделать можно: ума помрачение! Теперича я скромный-с, а ежели только начать, так я чувствую, что во мне вся тятенькина натура покажется.

Александра Петровна. Ах, какой вы, Андрей Титыч! Да разве вы не видите, что я вас давно люблю!

Андрей Титыч. Ежели это так точно, как вы говорите, значит счастливее меня человека нет. Я так о себе понимаю.

Александра Петровна. Ну, и слава богу! Я и очень рада.

Андрей Титыч. Теперь уж я ваш по гроб жизни...

Александра Петровна. Нехорошо здесь разговаривать-то: народу очень много; а вы лучше приходите уж к нам.

Андрей Титыч. Коли урвусь, так непременно-с.

Александра Петровна. Ну, прощайте! (Шепотом.) Миленький мой!

Андрей Титыч. Эх! Надо бы ручку, поцеловать-с, да народ.

Александра Петровна. Теперь уж ручку! Испугался!

Андрей Титыч. Школить надо нашего брата, так мы будем обращение понимать; а мало-мальски слободно пустить, так ведь для нас границ нет. До приятного свидания-с.

Александра Петровна и девушка уходят. Досужев выходит из грота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андрей Титыч и Досужев.

Досужев. Ну, что, приладил дело?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Андрей Титыч. Приладил-с. Теперича какое прикажете угощение, всякое можем. Я полагаю, нам к Гурину идти-с. Теперича я так рад, что меня даже опасно одного оставлять-с, как бы я от радости какого-нибудь колена не выкинул!

Досужев. А ты порядку не теряй! Держи себя в струне!

Андрей Титыч. Хорошо вам разговаривать-то! Вас, может быть, женщины любили, так для вас это ничего; а ведь меня в первый раз в жизни-с. Пожалуйте к Гурину-с!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ЛИЦА:

Тит Титыч Брусков, богатый купец.

Настасья Панкратьевна, жена его.

Андрей Титыч, сын их.

Харлампий Гаврилыч Мудров, стряпчий, пожилой человек, очень важного вида, качает головой и грустно улыбается.

Наталья Никаноровна Круглова, купчиха.

Александра Петровна, ее дочь.

Луша, горничная девушка.

Гостиная в доме Брусковых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Луша и Наталья Никаноровна Круглова (входят).

Луша. Вы из сада, Наталья Никаноровна?

Наталья Никаноровна. Из сада.

Луша. Сама-то идет тоже?

Наталья Никаноровна. Да, сейчас за мной.

Луша. Так надо велеть самовар ставить.

Наталья Никаноровна. Она уж приказала. Что это, девушка, ваши хозяева-то какие скучные, какая тоска с ними?

Луша. Уж и не говорите! Такое-то постылое житье, не накажи господи!

Наталья Никаноровна. Диви б денег не было, а то с такими-то деньгами, да все думают о чем-то да сокрушаются. Мы с дочкой люди небогатые, а не в пример веселее вашего живем. А будь-ка у меня деньги...

Луша. Уж какая у вас дочка красавица! Вот бы нашему Андрею Титычу.

Наталья Никаноровна. Что ж мне, набиваться, что ли, коли не хотят? Как же, была оказия! Да она к вашей жизни и не привыкнет: у нас каждый день веселье, а здесь точно хоронят кого. Я и постарше ее, да, кажется, с тоски бы пропала. Мы живем не по-вашему: у нас, что ни день, либо мы в гостях, либо у нас гости, а то так за город. Я так рассуждаю, милая: ученье наше было на медные деньги; как образованные люди живут, мы жить не можем, а денег-то на наш век хватит; по крайности, мы хоть весело поживем.

Луша. Пойти чай готовить! Никак, сама идет. (Уходит.)

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Входят Мудров и Настасья Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мудров, Настасья Панкратьевна и Наталья Никаноровна.

Настасья Панкратьевна. Что это Кит Китыч не едет! У меня сердце не на месте. Присядьте, любезные гости!

Мудров. Присядем-с, присядем-с. Отчего не присесть. Ох-ох-ох! Грехи наши тяжкие! Садятся.

Настасья Панкратьевна. Тяжкие, батюшка, тяжкие! (Наталье Никаноровне.) Да где ж дочка-то ваша?

Наталья Никаноровна. Да, чай, в саду гуляет.

Настасья Панкратьевна. Ну, пуцай гуляет.

Наталья Никаноровна. Что ей с нами-то делать! Что мы ей за компания! Разговоры наши слушать скучно.

Настасья Панкратьевна. Скучно, матушка, скучно. Уж посидите вы у меня, бога ради, подождемте вместе Кит Китыча. Все как-то при людях лучше, а то одной-то мне страшно.

Молчание.

Так вот, Урлапий Гаврилыч, я и говорю..

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Да, Харлапий Гаврилыч! Так вот я и говорю: тяжело на свете-то жить! Уж как тяжело!

Мудров. Да, не легко-с, не легко-с.

Настасья Панкратьевна. Особенно кому с большими деньгами.

Наталья Никаноровна. Ну, еще с деньгами-то стерпеть можно, вот без денег так плохо.

Настасья Панкратьевна. Как это можно! Какое сравнение! Без денег не в пример легче жить. Без денег-то какая забота! Только б был сыт, вот и все.

Наталья Никаноровна. А с деньгами-то что? Только что причуд больше.

Настасья Панкратьевна. Как это вы говорите! Да деньги-то что такое? Ведь деньги-то – кандалы!

Мудров. Ох, кандалы, сударыня, кандалы!

Настасья Панкратьевна. Ежели теперь у нас очень много денег, значит мы должны жить точно так, как другие прочие богатые люди живут; а то нас всякий осудить может. Значит, уж я никакого удовольствия с деньгами не могу себе иметь, а должна только смотреть даже до всякой малости, как у других, чтобы все так точно, и сама потрафлять. А не сделай я так точно, так ведь меня засмеют. А как это тяжело, особенно в летах! Ну их, эти деньги проклятые! Я и глядеть-то на них боюсь. Мне один странник сказывал, что ежели часто смотреть на них, так от этого сердце ожесточается.

Наталья Никаноровна. Без денег-то скорей ожесточится.

Настасья Панкратьевна. Уж вы, Наталья Никаноровна, не спорьте! Уж странник знает, что говорит. Значит, он в каких-нибудь книгах читал. Урлапий Гаврилыч..

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Мудров. Харламий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Уж извините, батюшка, все сбиваюсь. Язык-то один, приболтается. Скажите, Харлапий Гаврилыч, есть такие книги?

Мудров. Книги? (Вздыхает.) Книги-с? Книги всякие есть-с.

Настасья Панкратьевна. Вот бы почитать когда!

Мудров. Книги всякие есть-с, да не всякие читать нужно.

Настасья Панкратьевна. Каких же это книг читать не нужно?

Мудров. Светских-с. Светских книг нетвердым умам читать нельзя-с.

Настасья Панкратьевна. Какие же такие светские книги? Это что гражданскими словами написано?

Мудров. Не в том сила, сударыня; а надо знать, какой дух в книге.

Настасья Панкратьевна. А как ее узнаешь, какой в ней дух?

Мудров. Я знаю-с. Другой не знает, а я знаю, какой дух. Вот поэтому-то нетвердым умам и нельзя всякую книгу читать, а надо спроситься. Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а сам не верю тому, что написано; какие бы мне документы ни приводили, я не верю; хоть будь там написано, что дважды два – четыре, я не верю, потому что я тверд умом.

Настасья Панкратьевна. Зачем же пишут такие книги, которые читать нельзя?

Мудров. От заблуждения; совратились.

Настасья Панкратьевна. Совратились, батюшка, совратились!

Мудров. Вот хоть нынешние так называемые романы! Не то что молодого человека, но даже и старца многолетнего могут в соблазн ввести.

Наталья Никаноровна. Какой там соблазн: просто сказки. Есть веселые, есть скучные.

Мудров. Какой соблазн-с? А вот какой соблазн: в этих сказках любовь человеческая изображается для взоров в привлекательном виде.

Наталья Никаноровна. Ну, так что ж за беда?

Настасья Панкратьевна. Уж нам этих книг не читать. Вот хороших-то бы книг почитала. Только вот... как вас, батюшка?

Мудров. Харламий Гаврилыч.

Настасья Панкратьевна. Только вот, Харлапий Гаврилыч, в хороших-то книгах очень нехорошо про богатство пишут.

Мудров. Да, не одобряют-с, очень не одобряют-с.

Настасья Панкратьевна. Вот оно и страшно такие книги-то читать.

Наталья Никаноровна. Да лучше не читать никаких, меньше думается.

Настасья Панкратьевна. От думы-то ведь тоже вред человеку.

Мудров. Дума разная бывает-с, разная.

Настасья Панкратьевна. Да какая хочешь дума, все человек худеет от нее; уж на нем того тела нет. Вот я еще мудреных слов боюсь.

Мудров. Да, есть слова, есть-с. В них, сударыня, таинственный смысл сокрыт, и сокрыт так глубоко, что слабому уму-с...

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Настасья Панкратьевна. Вот этих-то слов я, должно быть, и боюсь. Бог его знает, что оно значит, а слушать-то страшно.

Мудров. Вот, например-с...

Настасья Панкратьевна. Ох, уж не говорите лучше! право, я всегда себя после как-то нехорошо чувствую.

Наталья Никаноровна. Нет, что ж, пускай говорит; интересно послушать.

Настасья Панкратьевна. Разве уж одно словечко какое, а то, право, страшно.

Мудров. Вот, например, металл! Что-с? Каково слово! Сколько в нем смыслов! Говорят: «презренный металл!» Это одно значит; потом говорят: «металл звенящий». – «Глагол времен, металла звон». Это значит, сударыня,, каждая секунда приближает нас ко гробу. И колокол тоже металл. А то есть еще благородные металлы.

Настасья Панкратьевна. Ну, будет, батюшка, будет. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я ваших слов не могу; мне целый день и будет представляться.

Мудров. Вот тоже я недавно в одном сочинении читал, хотя и светского писателя, но достойного уважения. Обаче, говорит...

Настасья Панкратьевна. Оставьте, я вас прошу. Уж я такая робкая, право, ни на что не похоже. Вот тоже, как услышу я слово «жупел», так руки-ноги и затрясутся.

Мудров. Да, есть словечки, есть-с. Вот тоже...

Настасья Панкратьевна. Батюшка, оставьте! Убедительно я вас прошу. Конечно, все мы смертны; разве кто спорит! Ну, там уж после будь что будет. Что ж теперь заживо-то такие страсти слушать.

Наталья Никаноровна. И в самом деле, что за разговор завели!

Настасья Панкратьевна. Давно я собираюсь, хочется мне об жизни поговорить с каким-нибудь умным человеком.

Наталья Никаноровна. А что такое об жизни-то?

Настасья Панкратьевна. Да как жить на свете.

Наталья Никаноровна. И жить так, как жили. Слава богу, лет до шестидесяти прожили, теперь не переувчиваться стать.

Настасья Панкратьевна. Да разве мы так живем, как человеку указано! Вот так бы жить, чтобы все исполнять.

Наталья Никаноровна. Уж я не знаю, что еще исполнять.

Мудров. Много нужно, сударыня, ох, как много!

Настасья Панкратьевна. Возьмем хоть то: знаем ли мы, в какие дни что нужно делать?

Наталья Никаноровна. Что тут знать-то! Какое дело есть, то и делай!

Настасья Панкратьевна. Ну нет, матушка! Кто поумней-то нас, какое ни будь у него необходимое дело, а в понедельник не начнет. А мы не исполняем.

Наталья Никаноровна. Вздор, я думаю.

Настасья Панкратьевна. Какой вздор! Кабы не было примеров; а то примеры были. Как вы скажете, Урла...

Мудров. Харлампей.

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Настасья Панкратьевна. Да, Харлапий Гаврилыч. Как вы скажете?

Мудров. На это, сударыня, принуждения нет. Всякому отдано на волю: кто не верит, не верь; а кто верит, и тому благо.

Настасья Панкратьевна. Вот Кит Китыча не уговоришь никак. А уж сколько я раз замечала, как он в понедельник за каким важным делом выедет из дому, так либо пьяный приедет, либо безобразия какое уж непременно сделает.

Наталья Никаноровна. Чай, ведь и в другие дни тоже?

Настасья Панкратьевна. Все как-то пореже. Вот теперь важное дело в суде, а он поехал сегодня, не разбирает того, что нынче понедельник.

Мудров. Да ведь сегодня срок, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Да что ж такое, что срок! Дело-то не медведь, в лес не уйдет. К чему торопиться-то? В суде-то тоже не басурманы сидят, а не хотят того понять, каково мне дома-то сидеть, дожидаться-то его! Уж я к нему Андрюшу послала, чтобы сейчас же его и тащил домой.

Наталья Никаноровна. Вы уж Андрюшу-то своего загоняли совсем.

Настасья Панкратьевна. Да разве я? – все отец. Сраму-то что делает! По всей Москве возит невест смотреть. Нигде на него не угодят.

Наталья Никаноровна. Дали бы вы Андрюше дело какое, да и оставили бы в покое, пусть себе занимается.

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч и хотел было, да опять передумал: прежде, говорит, женить надо.

Наталья Никаноровна. Вот вы умный человек считаетесь, Харлампий Гаврилыч, вы бы и поговорили Тит Титычу.

Настасья Панкратьевна. И в самом деле поговорили бы; а то, что он над сыном-то издевается. Вы теперь Кит Китычу первый друг; может, он вас и послушает.

Мудров. Вот еще! Нужно мне очень! Да хоть он съешь сына живого, мне все равно. Я даю советы, сударыня, по делам юридическим, и то не даром, а получаю за то вознаграждение.

Наталья Никаноровна. За кляузные дела. То-то, видно, вы умны-то только с нами разговаривать.

Входит Александра Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Александра Петровна.

Александра Петровна. Кто-то подъехал к воротам. (Смотрит в окно.)

Настасья Панкратьевна. Ах, батюшки! Побегать встретить.

Александра Петровна. Один Андрей Титыч на извозчике, с ним нет никого.

Настасья Панкратьевна. Что ж это такое значит? Ума не приложу.

Наталья Никаноровна. А вот войдет – расскажет.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Ну, как грех какой, сохрани господи! Уж жив ли Кит Китыч-то!

Наталья Никаноровна. Да что вы сокрушаетесь! Должно быть, Тит Титыч послал его вперед; вот и все.

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Андрей Титыч.

Андрей Титыч (раскланиваясь). Маменька, беда!

Настасья Панкратьевна. Жив ли, жив ли, ты мне скажи!

Андрей Титыч. Да тятенька ничего, слава богу-с.

Настасья Панкратьевна. Загулял?

Андрей Титыч. Загуляли-с. И таких делов наделали, что страшно сказать!

Настасья Панкратьевна. Да уж говори, что там такое!

Андрей Титыч. Тятенька барина прибили-с.

Настасья Панкратьевна. Какого барина?

Андрей Титыч. Не знаю-с, только барин настоящий.

Настасья Панкратьевна. Вот он понедельник-то! Даром не прошел! Говорила ведь я ему, говорила!

Мудров (надевая очки). Потрудитесь, молодой человек, изложить нам подробно обстоятельства дела.

Андрей Титыч. Вот-с прихожу я в суд, а у них уж все дело кончено. Тятенька отобрали из судейских человек шесть и повели их в трактир обедом потчевать-с. Пообедали честь честью-с, выпили они, сколько им следует; потом наняли судейским извозчиков, а я с тятенькой на своих и поехали в Марьину рощу-с. Все бы это ничего-с; только тятенька в Марьиной роще встретили знакомую компанию-с; человека четыре подрядчиков, какие-то магарычи запивают-с. Тут уж и пошло-с! Шенпанского сразу ящик потребовали; цыганок петь заставили.

Настасья Панкратьевна. Все это в порядке, дело очень обыкновенное.

Андрей Титыч. Да и все хорошо было-с, и тятенька были очень веселы; только уж конечно понять разговору было нельзя, потому все вместе вдруг говорили. И догадало ж кого-то из судейских качать тятеньку! Только взяли его на руки, качали-качали, да и уронили.

Настасья Панкратьевна. Больно ушибли-то?

Андрей Титыч. Ушибить-то не ушибли, только уж очень тятенька в сердце вошел. Обозвали всех как нельзя хуже... А тут, еще прежде, какой-то барин все вертелся, с разговорами приставал ко всем, вино наше пил; уж очень ему хотелось в компанию втереться. Уж его не один раз мы и гоняли от себя, а он все лезет. Да под сердитую-то руку и наскочил на тятеньку; а тятенька, уж известно, много разговаривать не станут: должно быть, его раза два и ударили.

Мудров. Ну, а он сейчас свидетелей?

Андрей Титыч. Так точно-с. Судиться хочет с тятенькой.

Настасья Панкратьевна. Что ж моему будет за это? Вы, батюшка, дела-то знаете.

Мудров (снимает очки). Как дело пойдет, сударыня. Коли на мировую, так деньгами только отделается.

Настасья Панкратьевна. А как цена-то, батюшка, за это?

Мудров. Разная, сударыня; глядя по человеку.

Настасья Панкратьевна. Уж вы похлопочите!

Мудров. Да было бы из чего хлопотать-то, сударыня. Мы тоже не воздухом питаемся. Может быть, и дело-то грошовое, на пятидесяти рублях сойдутся. Не велика мне корысть.

Андрей Титыч. Ну нет, пятидесяти рублей барин не возьмет-с.

Мудров. Разве уж был разговор?

Андрей Титыч. Был-с.

Мудров. Много ли же он просит?

Андрей Титыч. Триста тысяч.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Да где же вдруг таких денег взять!

Мудров (встает). Триста тысяч? Ну, вот это дело хорошее.

Настасья Панкратьевна. Что ж тут хорошего?

Мудров. Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня. Давно я такого дела дожидаюсь.

Настасья Панкратьевна. Да вам-то что тут интересного?

Мудров. Большие деньги возьму, сударыня, большие деньги.

Настасья Панкратьевна. С кого же это? С Кит Китыча?

Мудров. Да, сударыня, с Тит Титыча. Все, что только можно взять, все и возьму.

Настасья Панкратьевна. И вам это не совестно, Урлап Гаврилыч?

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Ну, все равно.

Мудров. Вот еще! Чего тут совеститься, сударыня? Мы тем живем. Да я дурак буду, если с него мало возьму. Он сам после смеяться станет. Такие-то дела у нас не каждый день. Всякий от своих трудов питается.

Настасья Панкратьевна. А еще друг называешься!

Мудров (ходит в волнении). Да меня надо бить палкой, если я с него мало возьму. С кого ж и взять!

Настасья Панкратьевна. Так и грабить!

Мудров. Не грабить, а сам отдаст. Своими руками вынет из кармана и отдаст. Мне самому его жаль, да что ж делать, сударыня. Не попадайся! А попался, так платись. Наше дело все равно что игра: тут жалости нет; можно рубашку снять, так снимем.

Настасья Панкратьевна. Этак мы и другого стряпчего найдем.

Мудров. Ищите, сударыня: ваша воля. Про меня говорят, что во мне человечества мало, а в других еще меньше.

Настасья Панкратьевна (сыну). Ты что ж приехал один, не подождал отца-то?

Андрей Титыч. Тятенька меня прогнали-с. Они и сами, я думаю, сейчас будут, потому что вся компания разошлась.

Луша входит.

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Луша. Чай готов-с.

Настасья Панкратьевна. Пожалуйте!

Наталья Никаноровна. Да уж нам бы пора.

Настасья Панкратьевна. По чашечке выкушаете и пойдете, а без чаю не пушу.

Уходят Настасья Панкратьевна, Наталья Никаноровна, Мудров и Луша.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Александра Петровна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. Александра Петровна-с!

Александра Петровна (подходит к нему). Что?

Андрей Титыч. Наше дело в ход пошло.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Сейчас умереть! Только бы вот эта история не помешала.

Александра Петровна. Как же это случилось?

Андрей Титыч. Уж и сам я не знаю, как я такую смелость взял на себя. Поехали мы с тятенькой из трактиру, вижу, он весел, я ему и говорю: «Что ж это за несчастье мое, что невест подходящих нет для меня». – «Вот поди ж ты!» – говорит. «Не далеко ли, говорю, мы, тятенька, ищем? Нам бы где поближе, кругом себя поискать, нет ли на нашу руку». Он как взглянет на меня, да как крикнет: «Ты, говорит, мошенник, должно быть, уж высмотрел? Сказывай сейчас: высмотрел?» Я думаю: что робей, то хуже. «Высмотрел», – говорю. «Сейчас, говорит, сказывай: какая такая?» – «Александра Петровна Круглова», – говорю.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Провалиться на этом месте! «Да у них, говорит, денег немного». – «Немного», – говорю. «А тебе, говорит, больно много нужно! Молчи, говорят, не смей разговаривать! А она пойдет за тебя?» – «Отчего, говорю, не пойти». – «Ну, говорит, и шабаш, и чтоб скорее! Потому женить тебя давно пора. А деньги, говорит, я дам. Мне, говорит, нынче много в суду отсудили; я их уж давно пропавшими считал, значит все равно что на улице нашел. Вот вам на раззавод».

Александра Петровна. Ну, вот, значит, мы и закутим.

Андрей Титыч. Страсти, что наделаем! Начал потом он мне наставления читать. «Кабы, говорит, не отцы да не матери, что бы вы на свете были? Вот не жени мы тебя, ты будешь пьянствовать, потом станешь воровать; а нам с матерью сокрушение сердечное, потому мы за тебя должны богу ответ дать». (Обнимает Александру Петровну.)

Александра Петровна (отходит). Андрей Титыч, вы опять!

Андрей Титыч. Да ведь уж теперь мы почти что свои.

Александра Петровна. Ну, еще когда будем. (Подходит к нему.)

Андрей Титыч. «Что, говорит, ты по Москве-то собак гоняешь! Бегаешь ты как саврас без узды!» (Обнимает и целует.)

Александра Петровна (с неудовольствием). Андрюша!

Андрей Титыч. «Какой же, я говорю, саврас?» – «А ты, говорит, молчи; это тебе, дураку, на пользу». (Опять обнимает.)

Александра Петровна (с сердцем). Андрюшка!

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Наталья Никаноровна (за сценой). Саша!

Александра Петровна. Вон, слышишь? Что!

Андрей Титыч. Ну, что ж такое!

Наталья Никаноровна (за сценой). Саша, ступай чай пить!

Александра Петровна. Я, маменька, не хочу. (Подходит к Андрею Титычу.) Какой ты! Ну, как кто войдет!

Андрей Титыч. Да ведь я, Сашенька, смотрю в дверь-то. Неужто ж я...

Александра Петровна (подвигаясь к нему). Ну?

Андрей Титыч. Ну, и все. (Целует ее.)

Александра Петровна. Когда ты женишься, чтоб лошади были у нас хорошие.

Андрей Титыч. Еще бы! Само собою. (Обнимает ее.)

Александра Петровна. Знаешь что? Я очень соболь люблю. Да ты смотри в дверь-то!

Андрей Титыч. Да смотрю, смотрю.

Александра Петровна. Как красиво выехать на хорошей-то лошади в соболях! Сошью себе шубу бархатную.

Андрей Титыч. Малиновую.

Александра Петровна. Малиновую? Эх ты! Вот вкус!

Андрей Титыч. Да какую хочешь, нешто мне не все равно.

Александра Петровна. Черную.

Наталья Никаноровна (за сценой). Саша!

Александра Петровна (взглянув в дверь). Кажется, маменька-то домой собирается. Так и есть.

Андрей Титыч (взглянув в окно). Да и тятенька приехал.

Александра Петровна. Ну, прощай!

Андрей Титыч. Прощай! (Целуются.) Не сегодня, так завтра непременно забегу.

Александра Петровна уходит, Андрей Титыч одергивается, делает скромную физиономию и становится у двери.

Входят Тит Титыч, Мудров и Настасья Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тит Титыч, Мудров, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч (садится; молчание). Слышали?

Мудров. Слышали, брат, слышали.

Молчание.

Тит Титыч. Куда меня решат?

Молчание.

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Эй, ты, ябеда! Что ж ты молчишь? С тобой говорят аль нет! Говори, не испугаюсь.
Поделом мне, окаянному!

Молчание.

Что ты молчишь, что глаза-то вытаращил?

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. А ты хлопочи! Ты от меня пользуешься, ты и должен... стараться.

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. Не твое дело! Ты знай пиши кляузы! Вот и все.

Мудров. Нет уж, теперь нам с тобой кляуз не писать, а на нас писать будут.

Тит Титыч. А ты им на ответ строчи.

Мудров. Что?

Тит Титыч. Пиши, что будто я... в исступлении ума.

Мудров. В исступлении ума? Ну, на цепь.

Тит Титыч. Как так на цепь?

Мудров. Так, на цепь. Для предупреждения, чтоб ты кого до смерти не убил.

Тит Титыч. Нет, этого не надо. Ты пиши, что я... в здравом рассудке.

Мудров. А в здравом рассудке, так в смиренный дом.

Тит Титыч. Ну, так делай, что знаешь: ты за это деньги берешь.

Мудров. Одно дело теперь – скрываться.

Тит Титыч. Скрываться?

Мудров. Во всяком деле это первое. Ты рассуди умом: если за тобой зверь лютый или сильный враг погонится, ведь ты скрываешься?

Тит Титыч. Скрываюсь.

Мудров. Ну, так и это. Должен ли ты много, беду ли какую сделал, значит тебя ищут, преследуют. Неужели ты так прямо и пойдешь: вот, дескать, я, берите меня. Твоя натура заставляет тебя скрываться, закон самосохранения.

Тит Титыч. Разве есть такой закон?

Мудров. Есть... Вот ты и едешь, например, в Подольск, а из Подольска в Москву, а из Москвы в Звенигород, а из Звенигорода опять в Москву. Пишут об тебе в подольскую полицию – она отвечает, что выехал в Москву; пишут в московскую – она отвечает, что выехал в Звенигород. Так ты и ездь сколько хочешь. Надоест тебя искать-то.

Тит Титыч. Это верно, точно, что надоест.

Мудров. А тут родственники со стороны сделочку предложат и на мировую; так дело-то пустяками и кончится.

Тит Титыч. Это точно. Куда ж теперь мне скрываться?

Мудров. Ступай ложись в тарантас; вели лошадей заложить, да и поезжай в Косино, из Косина на Угрешу, потом в Берлюки. Как Москвой поедешь, так вели себя закрыть.

Тит Титыч. И уж не выглядывать?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru

Мудров. Уж не выглядывай! А мы здесь за тебя отписываться станем.

Тит Титыч. Только ты смотри пиши хорошенько.

Мудров. Да денег мне на расходы оставь.

Тит Титыч. Ишь ты, крапивное семя! А много ль тебе денег?

Мудров. Тысяч пять.

Тит Титыч. Гоните его вон!

Мудров. Ведь с тебя триста просят.

Тит Титыч. Гоните его! говорю я вам. Пошел вон! Я и без тебя помирюсь.

Мудров. Ну, уж это шалишь! Ты будешь драться, да потом сам мириться, а я ни при чем, я своих доходов должен лишиться! Нет, брат! Я не дам помириться, я разобью.

Тит Титыч. Гоните его вон сейчас!

Мудров. Я пойду. Только если ты опять пришлешь за мной, так десять заплатишь.
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Вот до чего я дожил! Видите вы это? Вот вы и казнитесь! Вот, глядите на меня и казнитесь! А все через кого? Через вас. Вот вырастил сына – еще жениться хочет, дурак! – а какая мне от него теперь помощь?

Андрей Титыч. Вы сами, тятенька, желали, чтоб я женился на Александре Петровне.

Тит Титыч. Ты разговаривать! Ты разговаривать стал! Ты и дышать не смей! А то я такую женитьбу задам! Этакое несчастье в доме, а ты жениться! Мы, может быть, нищие будем, а ты жениться! Вот дыхни еще раз!

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты, Андрюша! Этакое в доме несчастье, а ты жениться!

Андрей Титыч. Маменька, молчите! Бог с вами, тятенька! Вы меня навек несчастным хотите сделать, так вы за это богу ответите. Что я вам – на мытарство, что ли, достался? Что ж мне, на Каменный мост бежать? Руки на себя наложить, что ли? А я вам сын всегда был и есть такой, как должно-с. Это я вам на деле докажу. Я вам достану человека, который вас из беды выручит. А если не он, так никто. А за мои слезы вам бог заплатит. (Убегает.)

Луша входит.

Тит Титыч. Держите его! Как он может! Вот вернись ты только! Ведите меня в тарантас.

Настасья Панкратьевна и Луша берут его за руки и ведут.

Настасья! Коли кто с красным воротником, так сейчас ему говорите, что уехал из Москвы. (Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА:

Тит Титыч.

Настасья Панкратьевна.

Андрей Титыч.

Досужев.

Перцов.

Луша.

Неизвестный, в мундирном сюртуке, застегнут на все пуговицы, на фуражке кокарда, в руке сверток бумаг.

Комната 2-го действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Настасья Панкратьевна и Луша (у окна).

Настасья Панкратьевна. Вот страсти-то! Вот и сиди да трясись! Луша, гляди хорошенько!

Луша. Ах, матушка Настасья Панкратьевна, ведь идет!

Настасья Панкратьевна. Кто идет?

Луша. Да будочник, матушка!

Настасья Панкратьевна. Ох, грех! Уж не за Кит ли Китычем? Беги скажи, что дома нет.

Луша. Нет, не к нам; на ту сторону перешел.

Настасья Панкратьевна. Ну, слава богу! Смотри, Луша, хорошенько!

Луша. Андрей Титыч с каким-то барином.

Настасья Панкратьевна. Отопри поди да запячь запри на запор.

Луша уходит.

Вот не ждали – не чаяли, какая беда случилась. Теперь всякого человека, который по улице идет, бойся. А уж про полицию и говорить нечего! Сохрани господи, квартальный покажется, да я тут же, кажется, на месте умру! Все мне вот так в глазах и представляется: придут вдруг неизвестные люди, покажут бумагу, возьмут Кит Китыча – только я его и видела! (Смотрит в окно.) Вон он, голубчик мой, в тарантасе сидит один, точно сирота какая!

Входят Андрей Титыч и Досужев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Досужев.

Андрей Титыч. Где тятенька?

Настасья Панкратьевна. При них-то можно говорить?

Досужев. Сделайте одолжение, не конфузьтесь!

Настасья Панкратьевна. Вон он, мой батюшка, сидит в тарантасе один-одинехонек.

Досужев. Зачем его туда занесло?

Настасья Панкратьевна. Скрывается, батюшка. Урлап Гаврилыч приказал; стряпчий такой есть, Мудров; знаете?

Досужев. Он-то его и посадил?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Настасья Панкратьевна. Он, батюшка. А разве от этого пользы не будет?

Досужев. Пускай сидит, коли ему нравится.

Андрей Титыч. Что, маменька, барин еще не был?

Настасья Панкратьевна. Нет еще, Андрюша. Вот все в страхе ходим, все ждем. Это ты по тятенькиному делу, что ли, привел?

Андрей Титыч. Да, маменька!

Настасья Панкратьевна. Как их звать-то?

Андрей Титыч. Василий Митрич.

Настасья Панкратьевна. Похлопochи, Василий Митрич! Если ты нам наше дело хорошо сделаешь, я уж и не знаю что! Я тебя в поминанье запишу. Ты холостой, чай?

Досужев. Холостой.

Настасья Панкратьевна. Я тебе невесту найду хорошую; богатую высватаю.

Досужев. Надобно франта-то этого видеть, физику-то его посмотреть; тогда можно прямо сказать, чего дело стоит.

Луша входит.

Луша. Какие-то два барина подъехали.

Настасья Панкратьевна. Вот грех-то! Вот беда-то! Ведь это они! Пускать ли уж?

Досужев. Пустите. А я из другой комнаты посмотрю на них да послушаю, что говорить будут; тогда дело видно будет.

Настасья Панкратьевна. Ну, пусти поди!

Луша уходит.

Андрей Титыч. Кто же это другой-то с ним?

Досужев. Приказного какого-нибудь для острастки взял. (Уходит в другую комнату.)

Входят Перцов и неизвестный.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч, Перцов и неизвестный.

Перцов. Господин Брусков дома?

Настасья Панкратьевна. Нет, батюшка, нету.

Перцов. Как же он мне сказал, что будет меня ждать для переговоров! Это черт знает что такое. (Шепчет что-то на ухо неизвестному.) А скоро ли он будет?

Настасья Панкратьевна. Не знаю, батюшка.

Перцов (неизвестному). Садись, подождем.

Садятся и шепотом разговаривают.

Неизвестный. Вы их супруга, должно быть?

Настасья Панкратьевна. Да, батюшка.

Неизвестный. Деток имеете?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskya@alexander.ru
Настасья Панкратьевна. Два сына, батюшка.

Молчание.

Неизвестный. Нехорошо, сударыня, нехорошо-с.

Настасья Панкратьевна. Что ж делать-то, батюшка, грех попутал. Уж, видно, бес как-нибудь их благородие под руку-то подсунул.

Неизвестный. Кончать надобно, сударыня, кончать. Коли дело до суда дойдет, так вашему мужу очень плохо будет.

Настасья Панкратьевна. Мы этого знать не можем.

Перцов. Что ты с ними толкуешь! Они не понимают, какие громы могут обрушиться над их головами.

Неизвестный. Вы посоветуйте вашему супругу, чтобы он кончил с господином Перцовым.

Перцов. Да, в противном случае я поступлю с ним жестоко.

Неизвестный. Пусть он удовлетворит господина Перцова суммой, которую он требует...

Настасья Панкратьевна. Где ж нам взять таких денег! Легко сказать, триста тысяч!

Неизвестный. Вы не извольте пугаться этой суммы! Это так, примерно сказано, сгоряча. Господин Перцов, вероятно, будут так снисходительны, что сделают уступочку.

Перцов. Да, если уж очень расплачутся, так уступлю что-нибудь.

Неизвестный (пошептавшись с Перцовым). Я думаю, что господин Перцов на половину согласится, если только сейчас деньги.

Перцов. Только в таком случае. Так вы и скажите своему мужу и повелителю.

Настасья Панкратьевна. Хорошо, батюшка.

Перцов. Ну, пойдем! Что ж нам его дожидаться!

Неизвестный. Так вы, сударыня, скажите господину Брускову, что если он не удовлетворит сегодня же господина Перцова, то завтра дело пойдет в суд. Часа через два я зайду наведаться. Затем прощения просим.

Перцов. Он еще не учен.

Неизвестный. Да-с. Благородное обращение плохо понимает.

Перцов. Ну, так я выучу. Василиск Перцов выучит обращению.

Входит Досужев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Досужев.

Досужев. Господин Перцов! Вас ли я вижу?

Перцов. Здравствуйте, господин Досужев! Представьте, какой со мной страшный случай!

Досужев. Да, я слышал.

Перцов. Вся жизнь моя преисполнена разными приключениями.

Досужев. Господа, мне нужно с господином Перцовым по секрету поговорить.

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Настасья Панкратьевна. Мы, батюшка, уйдем. Пойдем, Андрюша! (Уходит; Андрей Титыч за ней.)

Досужев. Сего неизвестного тоже отправьте домой! Что ему здесь делать?

Перцов. Как же без вознаграждения? Ему довольно будет самого незначительного.

Досужев. Уж это ваше дело!

Перцов шепчет что-то неизвестному, тот уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Досужев и Перцов.

Досужев. Вы опять за свой промысел?

Перцов. Как вы могли подумать! Вы меня обижаете, господин Досужев! Вся жизнь моя есть игра непостижимости. Вот и сегодня я поехал в Марьину рощу наслаждаться благами природы – и попал в хаос необразованности.

Досужев. Ловкий вы человек!

Перцов. Я несчастный человек, господин Досужев. Удары судьбы...

Досужев. Во сколько же вы цените вашу обиду?

Перцов. Какими же деньгами можно оценить оскорбление, господин Досужев!

Досужев. Я с вами согласен. Значит, вы денег не хотите. Да оно и подло деньги брать! Вызовемте его на дуэль!

Перцов. Ну, нет; ежели бы приличную сумму...

Досужев. Так вы бы взяли?

Перцов. И я надеюсь, господин Досужев, что вы, как благородный человек, мне мешать не станете.

Досужев. Как можно! Я хочу хлопотать за вас. Хотите, я даже назначу сумму, которую Брусков должен вам отдать, и он меня послушает.

Перцов (пожимая Досужеву руку). Мерсі, господин Досужев! Вы не жалеете этого бессмысленного невежду; требуйте с него больше, мы с вами поделимся.

Досужев. Я уж и так много назначаю, больше требовать нельзя.

Перцов. Позвольте узнать хоть приблизительно.

Досужев. Сто целковых.

Перцов. Злая насмешка, господин Досужев!

Досужев. Неужели ж вам в самом деле полтора ста тысяч дать!

Перцов. От полтора ста тысяч до ста рублей еще расстояние велико.

Досужев. Берите сто рублей; я вам советую. Хорошие деньги.

Перцов. Вы знаете, что я человек непреклонный.

Досужев. Не хотите ста, так и ничего не получите.

Перцов. Мало, господин Досужев!

Досужев. Берите, право берите. Вы меня понимаете?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru

Перцов (берет Досуева за руку). Господин Досуев, только для вас соглашаюсь, только для вас.

Досуев. Вот и прекрасно! (Кричит в дверь.) Андрюша, пришли перо с чернильницей да лист бумаги!

Перцов. К чему это, господин Досуев?

Досуев. Вы дадите подписку, что на Брускова претензии не имеете и за обиду считаете себя удовлетворенным.

Луша приносит бумагу и чернила.

Давай сюда! (Садится к столу.) Недурна девочка-то.

Перцов. Приятный сюжетец.

Досуев (принимая бумагу и чернила). Кто из хозяев с тобой ласковее-то? Чай, Андрюша? али сам старик?

Перцов. Ты, душенька, говори, не конфузья!

Луша. Да будет вам, бесстыдники! (Уходит.)

Досуев. Так вот-с. (Пишет.) Вот подпишите. А деньги получите завтра утром от меня. Верите мне или нет? А то возьмите расписку.

Перцов (подписывает). Помилуйте, господин Досуев, между благородными людьми довольно одного слова.

Досуев. Значит, до свидания!

Перцов. Честь имею пребыть-с. (Уходит.)

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Досуев и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. Как дела, Василий Митрич?

Досуев. Вот и мировая готова; а сторговаться с твоим отцом Перцов мне поручил.

Андрей Титыч. Много ли ж вы с тятеньки возьмете?

Досуев. Страсть! Ограблю!

Андрей Титыч. Вы хоть меня-то пожалейте! Если вы с тятеньки много денег возьмете, он рассердится так, что беда, и уж тогда не видать мне Александры Петровны, как ушей своих.

Досуев. Какое же мне дело до тебя и до твоей Александры Петровны!

Андрей Титыч. Что ж мне теперь делать?

Досуев. Да что хочешь, то и делай! Я человек бедный, должен о себе заботиться, а не о вас.

Андрей Титыч. У меня, Василий Митрич, только и надежды было, что на вас. А теперь, значит, все одно хоть умирай!

Досуев. Разговаривай еще!

Андрей Титыч. А еще приятелем называетесь! Разве так приятели делают?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Досужев. Мало ты еще на свете жил, коли на приятелей надеешься! Так-то, мой милый! Деньги всегда дороже приятелей.

Андрей Титыч. А вы думаете, так вам тятенька и даст денег! Как же! Дождитесь.

Досужев. А не даст, так в смирительном посидит.

Андрей Титыч. Господи, что же это такое! Это уж еще хуже! Какой страм-то! Какая мараль на все семейство!

Досужев. Ну, да что мне с тобой разговаривать! Поди зови отца из тарантаса!

Андрей Титыч. Не хотите вы меня теперь пожалеть, ну, так после пожалеете, да уж поздно будет. (Уходит.)

Досужев. Посмотрим, что это за зверь Тит Титыч! Уж я не рад, что взялся за дело-то! Ведь, черт его знает, поколотит, пожалуй. Еще в чужом доме с ним, говорят, можно разговаривать; а уж к нему-то прийти, все равно что к медведю в берлогу. Главное, не робеть!

Входит Тит Титыч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Досужев и Тит Титыч.

Тит Титыч (садится на кресло и несколько времени мрачно смотрит). Здравствуй!

Досужев. И ты здравствуй!

Тит Титыч. Ты Андрюшин знакомый?

Досужев. Да.

Тит Титыч. Ты какой такой? Благородный аль так?

Досужев. Да тебе разве не все равно?

Тит Титыч. Стало быть, не равно, когда спрашиваю. Какой на тебе чин, такой с тобой и разговор будет.

Досужев. Я губернский регистратор.

Тит Титыч. Это что ж такое?

Досужев. Пятнадцатого класса. Нас во всей России только двое.

Тит Титыч. Ну садись, гость будешь!

Досужев. Я не люблю садиться; я лучше стоя.

Тит Титыч. Сказано, садись, так и садись. Что ты, как бес, будешь передо мной вертеться! Терпеть не могу.

Досужев. Ну, будь по-твоему, сяду. (Хочет подвинуть стул.)

Тит Титыч. Ты что там еще? Не смей трогать стульев! Они на месте поставлены. Садись вот здесь, подле меня!

Досужев (садясь). Ты не очень команду!

Тит Титыч. Да коли ты не порядок делаешь, как же тебе не сказать!

Досужев. Ну, будет о пустяках-то! Пора и о деле. Мне ведь некогда.

Тит Титыч. Ну вот, теперь давай о деле! Только ты меня не рассерди смотри; а то я и разговаривать не стану и прогоню. Я уж одного прогнал.

Досужев. Ну, хорошо, хорошо!

Тит Титыч. Много ль ты с меня взять хочешь?

Досужев. За что?

Тит Титыч. За что? Известно, за что. За это дело?

Досужев. Помирить, что ли?

Тит Титыч. Нет, не помирить, а оправить совсем, чтобы я чист был.

Досужев. Да как же тебя оправить, когда ты виноват?

Тит Титыч. Виноват! Это я и сам знаю, что виноват. Зачем же ты и стряпчий, коли ты не можешь оправить человека? А ты такую клязу напиши, чтоб я был не виноват ни в чем.

Досужев. Этого нельзя. Надобно помириться.

Тит Титыч. Ни под каким видом! Ты не смей и заикаться! Я и слышать не хочу.

Досужев. Буянить твоё дело, а мириться так вот не хочешь!

Тит Титыч. Да ты с кем говоришь! Учить, что ли, ты меня пришел у меня-то в доме! Хочу буянить, и буяню; нешто ты мне заказать смеешь! Вот я уже Андрюшке задам, чтобы он этаких стракулистов ко мне не водил.

Досужев. Да ты потише! От меня ведь в тарантас не спрячешься.

Тит Титыч (встает, и Досужев тоже). Да ты к чему тут пристал? Ты человек посторонний! Зачем ты ко мне в дом зашел? Тебе что тут нужно? Ишь ты, влез в гостиную, расселся, тоже важничает. Как ты смел придти меня беспокоить? Я вот сейчас велю тебя со двора согнать, чтоб ты и носу сюда показывать не смел. Я тебя и знать не хочу.

Досужев. Рад бы не хотеть, да нельзя. Ты грамоте знаешь? Так вот смотри! (Показывает бумагу.) Перцов дал подписку, что дело с тобой прекращает, и подписку эту отдал мне. Теперь я что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу, отдам ее тебе, и дело кончено; а не захочу, подадим на тебя завтра прошение и упрячем тебя в смирительный.

Тит Титыч (садится). Значит, я с тобой теперь должен дело делать?

Досужев. Со мной.

Тит Титыч. Ну, садись! Сейчас выпьем чего-нибудь.

Досужев (садясь). Нет, уж прежде давай дело кончим!

Тит Титыч. Ну, давай! Значит, я тебе за эту расписку должен деньги заплатить?

Досужев. Похоже на то.

Тит Титыч. А ты имей сколько-нибудь совести, не грабь меня. Грабить-то нехорошо. Пора уж вам эту привычку скверную бросить. Слышишь ты! Ты делай дело почестнее!

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Ну, много ли ж ты с меня потребуешь?

Досужев. Вот, во-первых, сто целковых Перцову за обиду. Это ты пошли с сыном завтра утром.

Тит Титыч. Это ничего! Это на чести, не дорого! Это и в другой раз, коли случится.

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Досужев. Так ты опять поколотишь?

Тит Титыч. Эти деньги я всегда в состоянии заплатить, когда хочешь.

Досужев. Нет, уж в другой-то раз тебе много дороже станет. Для меня только он с тебя сто целковых, а то просил полтора ста тысяч. Ну, теперь за хлопоты.

Тит Титыч. Много ли ж тебе?

Досужев. Мне много надобно.

Тит Титыч. Будь почестнее! будь почестнее, я тебе говорю. Нехорошо ведь. Много запросишь, ведь не дам. Только ты меня растрезожишь! А я старый человек. Ну, прошу я тебя! Кончим по-дружески, много не ломи!

Досужев. Ты обещал женить сына на Кругловой?

Тит Титыч. Тебе что за дело?

Досужев. Кабы не было мне дела, я б и разговаривать не стал.

Тит Титыч. Обещал, да раздумал.

Досужев. Ну, так ты передумай опять, да и жени его поскорее.

Тит Титыч. Как же ты можешь мне в таком деле указывать? Да где же это видано! Нет, ты, должно быть, сегодня от меня добром не хочешь уйти? Дождешься, что я тебя изуродую.

Досужев. Ну, видно, говорить с тобой нечего, а надо сейчас к полицеймейстеру ехать. (Берет шляпу.)

Тит Титыч. Постой, ты! как тебя?

Досужев. Ну, что еще?

Тит Титыч. Да ты почем знаешь, может я и сам хочу женить его на Кругловой, и передумывать мне нечего. Может быть, я тебя обманул!

Досужев. Это уж твое дело.

Тит Титыч. То-то! Ты не подумай, что это я тебя послушал! Это я сам. А если б не я сам, и никто б меня на свете... Слышишь ты, я сам. Слышишь ты, что я тебе говорю?

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Я хочу, чтоб Андрюшка женился на Кругловой, так тому и быть! Никто мне ни указывать, ни приказывать не смеет. Что хочу, то у себя дома и делаю.

Досужев. Ну вот, когда ты женишь сына, тогда я тебе расписку и отдам, так дело твое и кончится.

Тит Титыч. Эй! Кто там?

Входит Настасья Панкратьевна.

Подайте шампанского, да идите все сюда!

Настасья Панкратьевна. Ну, слава богу! Должно быть, дело на лад идет. (Уходит.)

Тит Титыч. А деньгами много ль тебе?

Досужев. Ничего.

Тит Титыч. Ты не важничай! Ты проси! Проси, я тебе говорю: я, может быть, дам. Не в состоянии я, что ли, заплатить тебе?

Тяжелые дни. Александр Николаевич Островский ostrovskyaalexander.ru
Досужев. Я знаю, что в состоянии, да не надо мне.

Тит Титыч. Фальшивишь ты что-нибудь?

Досужев. Кабы я для тебя хлопотал, так я бы с тебя взял денег много. Ну, много не много, а взял бы сколько следует. А я для сына твоего хлопочу, понимаешь ты?

Тит Титыч. Понимаю. Ты приходи ко мне чаще, я тебя полюбил.

Входят Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша с шампанским.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тит Титыч, Досужев, Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша.

Тит Титыч. Слушай ты, Андрюшка! Будет тебе по Москве собак-то гонять! Что ты шляешься, как саврас без узды! Пора тебе, дураку, за ум братья! Кабы не родители, кто бы о тебе, дураке, подумал? Собирайся сейчас к невесте с матерью! К Кругловым ступайте! Проси, чтобы отдали за тебя, за дурака.

Андрей Титыч. Да я теперь счастливее всех на свете! Кого же мне только за это благодарить-с? Я так думаю, что вас, Василий Митрич.

Тит Титыч. Разумеется, его: потому он все дело кончил благополучно.

Настасья Панкратьевна. Говорила я, что в тяжелый день ничего делать не нужно! Вот какая беда-то было вышла, кабы добрый человек не помог!

Тит Титыч. За это мы все его будем благодарить так, что он, может, и не ожидает.

Досужев. Ничего мне от вас не надо. (Берет стакан вина.) Живите, женитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, судитесь; а я буду глядеть на вас да радоваться! (Выпивает стакан.)

1863

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!